

Илья Рясной

Госпитальер
и
Призраки Льда

16+

Илья Рясной

Госпитальер и Призраки Льда

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Рясной И. В.

Госпитальер и Призраки Льда / И. В. Рясной — «ЛитРес:
Самиздат», 2020

Последний рыцарь Ордена Госпитальеров и его друг - разведчик Федерации Московия, получают мистическое послание с планеты, охваченной таинственной эпидемией. Какую тайну скрывает находящаяся в карантине планета? Стала она объектом межзвездной агрессии или мистический враг всегда находился на ней? Выяснить это возможно только десантировавшись в ставшим смертельно опасном мире, с которого нет возврата.

Трамвай был сцеплен из двух угловатых, облупившихся желтых вагонов с легкомысленными ярко-зелеными крышами. Колеса нещадно лязгали на стыках рельс.

Никита Сомов развернул свежую, пахнущую типографской краской газету «Петербургские ведомости» и попытался углубиться в чтение.

«Новости культуры. Лучший тенор современности Марчелло Никифоров сегодня вечером даст свой первый концерт в «Мариинке».

Сомов сделал отметку в памяти. Быстро пробежал глазами остальные новости. Но сосредоточиться ему никак не удавалось. Настроение было какое-то радужно-рассеянное. И немножко тревожное. Такое настроение бывает, когда в твоей жизни неслышно, по-кошачьи, подкрадываются перемены.

Трамвай вырулил на Литейный, застыл на остановке. Двери раздвинулись с натужным пневматическим шипением.

– У вас свободно? – вежливо приподнял котелок сухощавый бледный человек средних лет со свисающими пышными усами.

– Да, пожалуйста, – кивнул Сомов, мельком глянув на человека и не найдя в нем ничего необычного.

Никита сложил вчетверо газету и принялся лениво рассматривать проплывающие за окном под стук трамвайных колес фасады домов с затейливой лепниной, мускулистыми атлантами, не дававшими рухнуть на землю ажурным балконам.

Трамвай набрал скорость, обогнал пролетку и нелепый, со спицами и клаксоном автомобиль, на заднем сидении которого, гордо выпрямившись, восседала красивая дама в красном платье, ее белый шарф развевался под порывами ветра.

– Недурственный сегодня день, – подал голос господин с усами.

– Несомненно, – рассеянно кивнул Сомов. – Только дождь и слякотно.

– А ведь это день перемен, – вдруг как-то глухо, жестянно, принужденно произнес усатый. – День, когда пришла пора принимать решения.

Сомов застыл, пораженный тем, насколько четко слова незнакомца отражали его собственное состояние.

– Да, да, Никита Федорович. Только вы можете... Только вы... – голос незнакомца закрипел и сбился, как сбивается граммофонная игла на пластинке.

Что-то было в этом разговоре донельзя противоестественное. Такого разговора не могло быть в дребезжащем желтом трамвае с зеленой крышей, под жестяной перестук колес и урчание пневматики дверей.

Сомов взглянул на незнакомца и ощутил, как внутри все леденеет, а сердце сжимает каменная рука. На лбу выступил холодный пот.

Незнакомец пялился в него глазами без зрачков. Чужие, нечеловеческие глаза были покрыты зеленоватой мерцающей пленкой.

Соседи по трамваю, озабоченные своими проблемами, не обращали никакого внимания на мирно и негромко беседующих двух людей. Видимо, остальные пассажиры были достаточно толстокожими и не ощущали, что рядом с ними только что материализовался сумрачный, чуждый этому слякотному дню привычному старому городу кошмар.

– Вам дурно? – сипло и осторожно, будто боясь, что громкий голос обрушит неустойчивое равновесие этого мира, прошептал Сомов.

– Ты должен... Синяя Долина. Больше никто... Иначе... Смерть... Холод... Гибель... Лед... Лед... Лед...

Незнакомец замер. Тут Сомов понял, что этот человек не дышит, и провел рукой перед его носом. Коснулся руки – она была твердая и холодная. Это был не человек. Это была статуя.

Сомов схватил незнакомца за плечо. Кошмар отступил. В Никите проснулся и вступил в свои права врач. Это профессиональный рефлекс – пусть все рушится вокруг, но в пылающем мире всегда останутся две неизменные значимые величины – врач и больной, которому необходима помощь, которого надо спасать. Рука потянулась к карману, где был похожий на старинный портсигар тревожный медкомплект...

И тут незнакомец глубоко и судорожно вздохнул, всхрипнул, как лошадь. Наконец, окружающие воззрились удивленно на них, запоздало осознав, что в размеренное течение событий грубо втиснулся непорядок.

Усатый незнакомец обхватил рукой горло, закашлялся судорожно. И поднял на Сомова глаза. Нормальные испуганные глаза с нормальными карими, только расширенными зрачками.

– Что? – просипел он. – Что случилось?

– Вам стало плохо, – ответил Сомов.

– Мне, – усатый незнакомец резко встряхнул головой. – Плохо... Плохо.

Он опять закашлялся. Поднялся и побрел к дверям, покачиваясь, как пьяный, и опираясь о спинки сидений. Двери распахнулись.

Сомов понимал, что должен вскочить, ринуться за этим человеком, решительно потребовать объяснений. Но он сидел, не двигаясь, будто примерз к неудобному сидению. Ведь в глубине души он осознавал, что это бесполезно. Ничем этот человек ему не поможет...

Не в силах сбросить оцепенение, Никита продолжал сидеть, отстраненно осознавая, что давно проехал свою остановку. Он знал, что стоит ему только встать, как разобьется хрупкий кокон, ограждающий его от перемен, и он останется один на один с новыми реалиями. Сегодня что-то еще будет. Сердце щемило...

Гроссмейстер тайных отношений Абрахам Кунц расплылся в широком бесформенном кресле, похожем на пенящийся расплавленный каучук. Кресло все время меняло цвет, массирувало бесформенную полуторацентнеровую грудку мяса и комарино попискивало, подавая какие-то непонятные сигналы.

Господин Ким, сцепив руки за спиной, стоял в центре круглого гулкого зала, на потолке которого бил фонтан, и две струи воды под действием гравитационных концентраторов ткали замысловатые узоры. Кроме кресла в зале не было никаких предметов интерьера. Но гость не обольщался. Он знал, что каждое его движение, каждый вздох контролируют хитроумные приборы.

– Вы не представляете, господин Ким, как я рад, наконец, видеть вас воочию, – развел Кунц руками с маленькими, казавшимися детскими по сравнению с его массивным жирным телом ладонями. Он сделал формальную попытку приподняться.

– Моя радость не уступает вашей, – поклонился Ким, приложив руку к груди.

– Поверьте, господин Ким, меня бодрит сама мысль о том, что наша небольшая, но важная проблема, наконец будет разрешена к взаимному удовлетворению.

– Меня она бодрит не меньше.

– Присаживайтесь, – Гроссмейстер сделал жест, и из пола выросло кресло – правда, раза в два меньше того, в котором сидел хозяин, но господин Ким уступал Гроссмейстеру по объемам в те же два раза.

«Интересно, зачем Гроссмейстеру носить на себе столько уродливого жира? – думал господин Ким. – И эта безобразная розовая бородавка на носу, заплывшие жиром, трясущиеся щеки, нездоровый багрово-коричневый румянец, извилистая морщина, глубоко прорезающая лоб, карниз надбровных дуг над маленькими веселыми кабаньими глазками. Медикопласт за два сеанса привел бы его фигуру и лицо в порядок... Впрочем, понятно. Гроссмейстер тайных

отношений не может быть стандартной скучной личностью, сошедшей с конвейера пластохирургов. Его вид должен шокировать, пусть даже и уродством. Уродство даже лучше – оно подчеркивает, что он является членом одного из самых одиозных и закрытых кланов Галактики Человечества, центром пересечения тайных недобрых сил, многие из которых достойны ночных липких кошмаров».

Сам господин Ким был подтянут, легок в движениях, с гладкой желтоватой кожей без единой морщины, в общем, обычный житель Корейских Миров.

– Не скрою, мы тщательно проверили ваши рекомендации, – сообщил удовлетворенно Гроссмейстер. – Проверили и вас.

– И остались удовлетворены, – Ким перебирал в руке четки, его пальцы в плотно обтягивающих перчатках были гибки и красивы, их движение гипнотизировало.

– Иначе вы бы не были здесь, – Гроссмейстер сделал плавный жест, стены зала стали прозрачными, и открылся сказочный вид на парящий город.

Лесистая поверхность Швица – самой богатой и, как считается, свободной планеты первой линии, простиралась в километре внизу. Среди живописных холмов тянулась извилистая голубая река, терялись изящные крепостные башни и островерхие черепичные крыши. Но к поверхности здесь жаться не любили.

Целые городские кварталы с острыми шпилями и сказочными очертаниями самых невероятных строений, отдельные дома с застывшей или меняющейся геометрией, ставшие воплощением самых безумных фантазий, парили над землей, зарываясь в облака или образуя вокруг себя защитные коконы. Это было очень красиво и страшно расточительно. Но Швиц, пользующийся своим статусом нейтрального галактического государства очень рачительно и ставший межзвездным центром для финансистов, аферистов и шпионов, мог себе позволить и не такое.

– Выпивка, нейроактивные стимуляторы? – осведомился хозяин летающего дома.

– Спасибо, – произнес Ким. – Но, к сожалению, в моем размеренном распорядке дня не предусмотрены внеплановые возлияния.

– О, знаменитая дисциплина господина Кима в личной жизни, – захлопал в жирные маленькие ладони Гроссмейстер. – А я, если позволите...

Из кресла вырос отросток и присосался к шее Гроссмейстера. Глаза Абрахама Кунца помутнели, но через десять секунд просветлели.

– Дурные привычки так приятны. Зачем только наш Бундесрат запретил тонкие нейроактивные стимуляторы? – пожал он плечами.

– Если позволите...

– О да, конечно, к делу... Насколько я смог узнать, необходимую подготовку для перевода всей суммы вы провели успешно. Даже безупречно.

– Более чем... Я могу рассчитывать, что ваш ответ будет столько же безупречен?

– О, знаменитая безупречность господина Кима в отношениях и делах.

Ким нахмурился, пытаясь понять, не издевается ли над ним Гроссмейстер и не стремится ли уронить его честь, которая стоила чести всего клана.

– О, тут нет ни малейшей иронии, – заверил Гроссмейстер тайных отношений.

– Я хочу увидеть товар, – произнес сухо, продолжая хмуриться, Ким.

– Вне всякого сомнения, вы его увидите, – Гроссмейстер провел длинным сиреневым ногтем по пластинке на кресле, из пола вырос огромный желтый мясистый цветок с чернильно-черными толстыми прожилками. Это был тюльпан с Агры – настоящий цветок, а не муляж и не проекция. Он рос на глазах, измененный при помощи самой передовой биоинженерной технологии, позволяющей убыстрять биопроцессы в сотни и тысячи раз. Лепестки раскрылись, позеленели, высохли и с тихим шелестом опали. Открылась то, что скрывалось под ними.

В этом предмете не было ничего особенного. Обычный грубый серый браслет, сделанный вручную то ли из гладкого дерева, то ли из пластмассы. Ким прилип взором к нему.

– Вы сомневаетесь? – удивился Гроссмейстер тайных отношений.

– В честности Гроссмейстеров сомневаться не принято.

– Все наше могущество кроется в честности и порядочности в отношениях.

Ким с сомнением протянул руку к браслету. И тут по серой поверхности предмета пробежала мелкая дрожь, как по живому существу. И пространство вдруг вокруг завибрировало – невидимо, неслышимо, но ощутимо, и эта дрожь отдаваясь в каждой клетке тела.

Гроссмейстер поморщился, потер рукой грудь.

– Что это такое? – спросил Ким.

– На это отвечать вашим головастикам. Я знаю лишь, что это вещь приоров.

– Приоров, – кивнул господин Ким, отлично знавший, что любая вещица из наследия давно ушедшей в другие измерения суперцивилизации приоров, владевшей Галактикой Млечного пути миллионы лет, стоит не меньше космокрейсера.

– История ее вам известна.

– Более чем, – кивнул господин Ким.

Сам клад приоров не так давно стал достоянием Федерации Московии. А браслет был с московитянского корабля, захваченного боевой группой, а если быть точнее – пиратским кораблем Свободных миров. Гроссмейстер тайных отношений вызывался стать посредником между пиратами и корейским кланом Зеленого Дракона, занимающегося промышленным шпионажем. Сумма контракта была огромная. И сейчас господин Ким должен был поставить точку в этой сделке, состоявшей из длинных переговоров, казалось, заходящих в тупик, но потом снова сворачивающих в нужную сторону, наполненных блефом, угрозами, заманчивыми обещаниями. Ему предстояло убедиться в подлинности вещи, перевести продавцам сумму, на которую можно построить космическую станцию на десяток тысяч человек, и получить на руки этот браслет.

– Я убедился, – удовлетворенно кивнул господин Ким.

– Прекрасно... Я думаю, вы не против разделить мое общество еще пару минут.

– Сначала дело.

– Ну да, – закивал Гроссмейстер. – Но я мечтаю порадовать гостя редким зрелищем.

Ким нахмурился. Ему не понравился тон, каким Абрахам Кунц произнес эти слова. Но делать было нечего, и кореец с каменным лицом стал ожидать развития событий.

Из раскрывшегося лепестком почерневшего круга на стеклянном полу вырос прозрачный тубус лифта и с мелодичным звоном раскрылся.

– Латин! – на невозмутимом лице Кима промелькнуло удивление.

– Вы удивлены, не так ли? – опять с видимым воодушевлением потер свои почти детские ручки Гроссмейстер. Казалось, он твердо решил стереть на них кожу.

Тут не поспоришь. Увидеть своими глазами живого латина дано не каждому.

Латин комично поклонился, стукнувшись носом о пружинящий пол, и тонким, забавным голосом произнес:

– Приветствую тебя, гость!

– Да будет этот день в твой жизни добрым днем. И будут благосклонны к тебе духи стихий, – ответил самым вежливым оборотом, использующимся Кланом Зеленого Дракона, кореец.

Латин, забавно семеня короткими ножками, обежал вокруг Кима, дернул его за штанину черного просторного костюма и только засмеялся. Губы корейца тоже тронула произвольная улыбка. Латин обладал способностью одним своим видом вызывать смех и обожали смеяться сами.

Латины – одна из самых загадочных цивилизаций. С Галактикой Человечества дипломатических отношений они не устанавливали, но и контактам не противились. До сих пор не известна ни одна их большая планета, непонятно, где они создают свои корабли, значительно превосходящие земные, где оттачивают технологии. Пока известна лишь пара их орбитальных баз и три планеты с немногочисленными поселениями. Иногда латины сами выходят на контакт. Но чаще откровенно и даже бесцеремонно игнорируют человека. С Седьмым рейхом полтора столетия назад у них прошли боевые столкновения, одна колония латинов была уничтожена, но они показали, что могут огрызаться, и заставили своего противника отступить с большими потерями. Больше никто к ним не лез. Вреда они обычно никому не приносили, но это вовсе не значило, что они не могут принести вред. Этика у них была настолько запутанна, что в ней так никто и не сумел разобраться. Казалось, они просто развлекаются, с интересом втягиваясь в некоторые человеческие дела.

Внешне они выглядели уморительно. На первую колонию латинов набрел московитянский корабль. Когда его капитан увидел на экране изображение первого латина, то ошарашено воскликнул:

– Буратино!

Действительно, по виду они настолько походили на персонажа древней классической книги, что даже возникла мысль – великий писатель старой земли воочию видел латина и очень точно описал его. Острый нос, коричневая, очень крепкая кожа, напоминающая дерево, огромные, с вспыхивающими искорками задорного веселья, глаза.

Латин ткнул носом в ногу господина Кима и еще заразительнее захохотал.

– Что тебя так веселит, мой друг? – спросил Гроссмейстер.

– Хи-хи-хи, – латин упал на спину и задрывал ножками.

Гроссмейстер, напряженно смотря на него, требовательно произнес:

– Я задал тебе вопрос.

– Хи-хи-хи. Ты думаешь, что он – это он. А он – это не он! Шутка. Смешно. Хорошо разыграл... Хи-хи-хи.

Гроссмейстеру потребовалось немного времени, чтобы сориентироваться в ситуации. Он отлично знал, что латины никогда не врут.

– Это враг! – истошно крикнул Абрахам Кунц.

И вот тут началась настоящая потеха...

Господин Ким ощутил, как колени подгибаются, и на него наваливается неподъемная тяжесть. Упругий пол кузнечным молотом ударил по телу. Гравиконцентратор прищипил кореяца к полу, стремясь превратить в раздавленную каблук муху.

Теперь каждое движение давалось с огромным трудом. А через пару секунд, когда гравиконцентратор раскочегарится, вообще не удастся сделать ничего. Да еще для надежности гостя сверху прикрыли слабо мерцающим прозрачным колпаком защитного силового поля. Ким находился на чужой территории, и этот зал был приспособлен для встреч как званых, так и непрошенных гостей. Здесь все было устроено так, чтобы не оставить нежелательным персонам ни малейшего шанса.

На полу вспухли и лопнули прозрачные пузыри. Из них возникли три мощных, закованных в тускло-голубую титаносиликоновую броню бойца и двое похожих на кузнечиков, неуклюжих с виду и убийственных по своей сути боевых робота на гравитационных подушках. Сверху, запищав, спланировала и зависла тарелка нейтрализатора, готовая отправить гостя в бессознательное состояние, откуда он вынырнет лишь для грядущих боли и отчаяния.

– Вот теперь поговорим, – лицо Гроссмейстера изменилось, утратив приторную сладость и приняв злое выражение.

Господин Ким знал, что у него остается пара секунд. И из последних сил раздавил одну из тех четок, которые так и не выпустил из рук. Она лопнула, и в воздухе запахло цветами...

А потом раздался глухой стук – это метровый стальной диск нейтронайтрализатора уткнулся ребром в упругий пол и завращался, как уроненное блюдо. Тут же пол содрогнулся – следом за нейтрализатором рухнули два боевых робота, каждый из которых весил не меньше тонны. Прозрачные стены зала стали серыми. Но перед этим можно было увидеть, как окружающие летающие кварталы качнулись и стали уходить вверх – дом мягко планировал к земле.

Гроссмейстер заерзал в жадно зачавкавшем кресле и тяжело поднялся на ноги. Он не был готов к такому повороту событий.

Ким легко вскочил на ноги. Гравиконденсаторы вырубались, и теперь он мог двигаться с убийственным стремительным спокойствием бойца-мастера.

– Взять! – заорал Гроссмейстер закованным в броню бойцам. – Живым!

Но те и так уже пришли в движение. Из нарукавника ближайшего охранника выскочил шнур ручного нейтрализатора и устремился к Киму. Тот уклонился без труда. Прыгнул вперед и нанес страшный удар ладонью в шлем. Боец не удержался на ногах и тяжело упал на пол. Кореец одним движением сорвал с противника шлем, ударом сведенных в щепотку пальцев ударил в открытый участок шеи и отключил бойца.

– Ублюдки! Убейте его! – вопил испуганно Абрахам Кунц.

Плазморазрядник в руке другого охранника как-то странно, болезненно кашлянул. И ничего не произошло. Батареи разрядника сели в долю секунды, разрядив сконцентрированную смертельную энергию в неизвестность, и теперь были ни на что ни годны. И остальная сложная, в высшей степени надежная техника была парализована.

С боевым кличем один из бойцов выхватил мономолекулярный нож, который без труда режет любую броню, и устремился вперед. Кореец бросил другой шарик из четок ему под ноги. Шарик подскочил два раза и прилип к доспехам на животе. Оглушительный взрыв! Массивную фигуру подбросило и опрокинуло.

Оставшийся на ногах боец испуганно отскочил, пытаясь уйти от следующего шарика, покотившегося к нему. Но шарик последовал за ним, подпрыгнул, прилип к закованному в броню плечу. И этот охранник был сметен взрывом.

Ким хищно оскалился, поднял с пола мономолекулярный нож, шагнул к Гроссмейстеру.

– Тебе придется прогуляться со мной.

– Нет! – Гроссмейстер отпрянул. Еще никогда обстоятельства так подло не выходили из-под его контроля! Он был деморализован. Старый хитрый лис, непревзойденный интриган, держал в руках многие нити жизней и событий, управлял людьми в разных частях космоса. Но сейчас перед ним была грубая сила, противопоставить которой он не мог ничего.

– Я не буду уговаривать. Я тебя просто убью, – кореец, многообещающе улыбнувшись, провел мономолекулярным ножом по груди Гроссмейстера, и рубашка из биосинтетика, теплого и ласкового на ощупь, разлезлась. – Через горло пройдет еще лучше, – заверил он.

– Хи-хи-хи, – послышался радостный смех. Это латин, во время схватки с интересом следивший за происходившим, вновь расхохотался.

– И ты пойдешь со мной, – кинул ему Ким.

– Это весело. Хи-хи-хи, – всплеснул коротенькими ручками латин.

Кореец поднял лежащий рядом с увядшим тюльпаном с Агры невзрачный приорский браслет и положил его в карман. Потом взял бластер охранника и двинулся вперед. Он в подробностях знал план дома и отлично представлял, как его покинуть.

По мере удаления от «зала приемов» электроника работала все лучше.

Господин Ким вместе с заложниками преодолел прозрачный кольцевой коридор. Ощущение было такое, будто прошелся прямо по воздуху над приближавшейся, плотно покрытой зеленью твердью. Пораженные энергоимпульсом гравиконденсаторы дома работали с перебо-

ями, но все-таки работали, и дом мягко планировал на лесистые холмы, выбирая подходящее место для посадки.

Вот и гравитационный лифт. Двое человек и один инопланетник шагнули на его платформу, которая стремительно взмыла вверх, пронеслась мимо стоянки глайдеров на уступчатой крыше, сделала дугу и рухнула в темное чрево дома. На миг свет погас. А когда зажегся снова, платформа застыла перед анфиладой комнат с тяжелой старинной золоченой мебелью.

– Вперед, – кивнул господин Ким.

Справа спускалась узкая металлическая лестница, которая пульсировала, постоянно меняла форму, ступеньки затвердевали только под подошвами ботинок. Внизу она упиралась в глухую стену, в которой была дверь с витиеватой бронзовой ручкой.

Кореец потянул ручку, и дверь нехотя, со скрипом несмазанных петель, отворилась. За ней плавно изгибалась широкая сиреневая мерцающая труба с грубыми задраенными металлическими люками и шершавыми скобами, там же разноцветно переливались контактные панели. Это был технический уровень, обеспечивающий функционирование сверхсложной квазиразумной системы, которой являлся дом Гроссмейстера.

– Сюда! – прикрикнул кореец, толкая перед собой Гроссмейстера.

Впереди в трубе возникла, будто по волшебству, долговязая фигура в черном комбинезоне.

Ким выстрелил первым. Ослабленный заряд – электроника здесь действовала вполовину мощности, угодил противнику в ногу, и тот покатился по полу, выронив массивное плазменное ружье.

– Не стрелять! Это я! – взвизгнул Абрахам Кунц, пригибаясь. Обидно пасть от руки одного из собственных слуг, которым он платил немалые деньги за обеспечение своего комфорта и безопасности.

И тут дом сильно тряхнуло.

– Прибыли, – кивнул удовлетворенно господин Ким. Это сотрясение означало, что дом соприкоснулся с твердью и остался цел.

– Быстрее, – пнул кореец Гроссмейстера. Латина же не требовалось уговаривать. Он, радостно подпрыгивая и повизгивая от удовольствия, как жизнерадостный щенок, бежал по трубе рядом с людьми. Ситуация приводила его во все больший восторг.

Господин Ким остановился. Извлек из кармана узкую серебристую полоску и приложил к поверхности трубы. Стена завибрировала, и от полоски пошли лучами трещины. Крепкий материал начал осыпаться, превращаясь в порошок, мельчайшие частички которого поднимались в воздух и медленно опадали. Через полминуты в трубу проник свежий теплый ветерок, подняв клубы порошка, в глаза ударил яркий солнечный свет. В стене образовалась дыра диаметром в полтора метра.

– Не застрянь, – кореец толкнул Гроссмейстера к проделанному проходу.

– Здесь высоко! – запротестовал Абрахам Кунц, оценив, что полтора метра до поверхности – это слишком много для него.

– Голову отрежу, – Ким с угрозой взмахнул мономолекулярным лезвием.

Гроссмейстер с трудом протиснулся в отверстие и, крякнув отчаянно, прыгнул. Послышался звук, будто упал тяжелый мешок с песком.

Господин Ким подхватил под мышку латина и вместе с ним проследовал за Гроссмейстером. На мягкую, покрытую ковром невысокой шелковистой синеватой травой, поверхность планеты Антареса-девять он приземлился пружинисто, как большая, сильная кошка. Латин недовольно заверещал, вырвался из рук человека, ударил его длинным носом в бок и насутился, сложив руки на груди.

Ким осмотрелся. Дом из последних сил дотянул до относительно ровной площадки на берегу широкой, серебрящейся в лучах солнца реки. Из-за бирюзовых и синеватых крон деревьев поднимался ввысь изящными каменными башенками мрачный серый замок.

Воздух завибрировал, и со всех сторон загремел угрожающий голос:

– Частное владение! Вы нарушили границы частного владения!

– Вот удивил, – усмехнулся кореец.

Он поднял голову и разглядел стремительно увеличивающуюся темную точку в небе. Та вскоре превратилась в зеленый угловатый пассажирский восьмиместный глайдер. Он завис метрах в трех над землей, качнулся и плавно уселся на траву, раскачиваясь из стороны в сторону на тонких опорах. Гостеприимно раскрылись двери, приглашая пассажиров. В салоне никого не было – глайдер пришел на автоматике.

– Прошу, – господин Ким, махнув стволом бластера, предложил занять места в салоне.

Деморализованного Абрахама Кунца уговаривать не пришлось. Он послушно уселся на заднее сидение. Латин устроился рядом с Гроссмейстером, возбужденно потирая коротенькие ручки.

Кореец оглянулся на только что покинутый дом, походивший на гигантскую разноцветную медузу, выброшенную из пучин моря на берег. И небрежно выстрелил из бластера, так что появившаяся на балконе черная фигура со снайперским разрядником испуганно исчезла.

Похититель устроился в кресле пилота и надел обруч управления. Глайдер загудел, признав в человеке хозяина. С легким гудением дверцы замкнулись, и прозрачная стенка отделила пилота от пассажиров.

– Тебе не уйти, – загундосил Абрахам Кунц. – Все полицейские силы сейчас пойдут по твоему следу.

– Напугал рыбу водой, – усмехнулся господин Ким и сорвал машину с места.

Глайдер, резко задрав нос, скачкообразно набрал скорость и ушел в голубое бескрайнее небо с летучими островами, ажурными транспортными развязками игольников и дискретных каруселей.

Изумленный Гроссмейстер во все глаза смотрел, как лицо господина Кима начинает меняться. Глаза корейца из раскосых и черных становились широкими и карими, а нос укрупнялся, пока не принял форму картошки. Через минуту в кресле пилота сидел совершенно другой, незнакомый человек.

Абрахам Кунц схватился за голову и застонал, как от приступа зубной боли.

– А я был прав, прав, прав! – обрадовался латин.

Гроссмейстер с чувством ударил инопланетника своим мягким кулаком в грудь, но только отбил костяшки о твердое, как деревяшка, тело.

– Хи-хи-хи, – хохотал латин. – Ой, уморили!

Участие Сергея Филатова в операции под условным наименованием «Самурай» было обусловлено крайней необходимостью. После нескольких лет нелегальной работы на планетах первой линии, да еще после ухода с боем от спецслужб Аризоны, новая заброска выглядела сущим безумием. Но так получилось, что Филатов – единственный, кто подходил на эту роль. А причина была простая – никто из оперативников, которых можно было задействовать на то время, не владел настолько виртуозно гримировочным комплексом «Мельпомена-115».

Обращение с подобной аппаратурой требует не только серьезной подготовки, но и врожденных способностей, которыми обладает далеко не каждый, а «сто пятнадцатый» к тому же являлся экспериментальной моделью. Только «сто пятнадцатый» был способен заморочить

новые полицейдетекторы Швица, а так же совершенную контрольную аппаратуру, на которую расщедрился Гроссмейстер тайных отношений.

Началось все семь месяцев назад, когда по коду «три семерки» – признанный в Галактике сигнал бедствия, московитянский лайнер «Ариэль» пришел на помощь дрейфующему в реальном пространстве транспортнику с опознавательными голографическими маячками судна «Ноев ковчег» Датского королевского торгового флота. То, что это ловушка, капитан «Ариэля» понял слишком поздно. Даже самые отпетые пираты крайне редко использовали «три семерки» – этот сигнал бедствия считался табу для черных дел. Злоумышленникам удалось каким-то непостижимым образом завладеть индивидуальным маячком датского звездного флота – задача крайне сложная. Но игра стоила свеч – ведь на попавшем в ловушку «Ариэле» в контейнере высшей защиты, способном выдержать жар звезд и удары метеоритов, следовал в институт трансфизики на Сибири-пять артефакт исчезнувшей цивилизации приоров.

Экипаж и пассажиры «Ариэля» были безжалостно уничтожены, что тоже не типично для обычных пиратов, предпочитающих, как и во времена Дрэйка и Моргана, получать за заложников звонкую монету. И пусть сегодня звонкая монета существует не в полновесном золотом выражении, а в виде виртуальных электронных потоков, но суть не меняется – деньги все равно символизируют собой силу и власть, и из-за них слишком многие люди готовы без особых душевных терзаний преступить все божеские и человеческие законы.

Утрата артефакта стала серьезной проблемой для Московии. На технологии приоров московитяне возлагали большие надежды, и, понятное дело, делиться с вероятным противником ими не собирались.

На расследование были брошены огромные силы и средства.

При проведении оперативных мероприятий спецслужбы Московии потеряли около десятка полевых агентов, двоих оперативников-нелегалов. Погибли две боевые группы отряда «Богатырь», брошенные на штурм станции пиратов, зависшей в свободном пространстве. И все без толку.

Долгожданная информация пришла со Швица. Сначала она была неясная, смутная – кто-то кому-то предлагает что-то необычное. Раньше аналитики Министерства внешней информации на подобное вряд ли бы обратили особое внимание. Теперь же каждая зацепка отрабатывалась досконально. И при проведении проверки картина постепенно вырисовывалась все интереснее.

Очерчивались контуры готовящейся таинственной сделки, и у руководителей Министерства крепла уверенность, что этот след горячий. И, наконец, в поле зрения оперативников возникла зловещая фигура Гроссмейстера тайных отношений Абрахама Кунца.

Гильдия тайных отношений занимала в Галактике человечества особое положение. Эта шайка универсальных посредников нужна всем. Кто, как не она, обеспечит сепаратные переговоры между заклятыми врагами? Или посодействует распространению недоступных, но вместе с тем слишком для многих жизненно необходимых запретных технологий? Или с гарантией посодействует выкупу заложников?

У Гильдии огромные финансовые ресурсы и всепроникающие связи со спецслужбами, политиками, гангстерами, «черными учеными», сепаратистами – да практически со всеми более-менее серьезными актерами в театре разбросанного по Галактике человечества. И потому ее функционеры чувствовали себя в полной безопасности, верша самые темные делишки. И часто забывали о риске перегнуть палку. Гроссмейстер Абрахам Кунц ее перегнул.

Когда более-менее четко обрисовалась ситуация, Гроссмейстера взяли под плотный контроль несколько оперативных групп. Швиц наводнили оперативники московитянской нелегальной разведки, оснащенные самыми совершенными техническими средствами. Через неко-

торое время москвитяне получили информацию о второй стороне предстоящей сделки. И все стало ясно, как божий день.

Оказалось, что Гроссмейстер служил посредником между пиратами (это были, скорее всего, недобитые боевики с недавно уничтоженной Московской базы на Харлее-два) и Кланом Зеленого Дракона из Корейских Миров. Корейцы в последние десятилетия стали выбиваться в клуб первых игроков на галактической арене и готовы были дорого заплатить за технологии приоров, хотя бы за один артефакт, из которого они с восточной обстоятельностью вытянут все, что только возможно. А если принять во внимание, что Корейские миры являются союзником потенциального противника Московии номер один – Объединения планет Аризоны, то картина нарисовывалась и вовсе тягостная. И задача разведчикам была поставлена простая – вернуть артефакт во что ты ни стало, а если не получится, в крайнем случае взорвать к чертям и Гроссмейстера, и покупателя, и дом, и, если понадобится, половину города. Нейтралитет свободного и неприкосновенного Швица при таких ставках в игре вряд ли мог явиться защитой для участников такой сделки.

Когда корейцы и Гроссмейстер договорились о цене, выработали удовлетворяющую обе стороны схему совершения сделки, Господин Ким поспешил на ее заключительный и самый приятный этап. Но до места назначения он не добрался – его перехватили за несколько минут до встречи с Абрахамом Кунцем. И на встречу вместо него отправился старший оперативник по нештатным ситуациям управления нелегалов Министерства внешней информации Московии полковник Сергей Филатов.

Все шло по плану. «Мельпомена-115» была под завязку накачена информацией обо всех значимых для идентификации параметрах объекта, именуемого господин Ким, начиная от неповторимой динамики движений, и кончая генетическим кодом. Она с блеском заморочила всю встретившуюся на пути контрольную аппаратуру. И все бы так и прошло гладко, но в последний момент принесли черти латина. Эти существа обладают многими сверхъестественными способностями. «Буратино» без труда сделал то, на что оказалась неспособной человеческая техника – распознал подмену.

При провале шансы у Филатова выбраться из этой передрыги по всем расчетам были достаточно призрачные. И ему не помогли бы три группы прикрытия, томящиеся в ожидании. Спас его еще один артефакт приоров – невзрачная, как и все изделия этой цивилизации, бусинка, будто от первобытного ожерелья, которая при активизации вырубала непонятным способом в радиусе пятнадцати метров любую технику вне зависимости от ее защиты, притом наиболее уязвимы были сложные системы. Так что гравиконденсаторы и боевые роботы выключились в миг. А с живой силой Филатов сумел разделаться благодаря исключительным боевым навыкам.

План отхода был разработан москвитянами безукоризненно. И через двадцать минут после побега из обрушившегося на поверхность планеты летающего дома торговая яхта «Атлантида» взмыла со стартэстакады главного космопорта Швица, унося артефакт приоров, полковника Филатова, а так же пленных – Гроссмейстера тайных отношений и неугомонного латина...

Начальник управления нелегальной разведки генерал второго ранга Шутихин подобрал в камин полено и уселся в скрипнувшее под его весом кресло.

Стоящий у окна Филатов смотрел на улицу. Шел косою мелкий дождь. По набережной неторопливо проколдыбала тряская пролетка, прополз, стуча железными суставами, смешной неуклюжий трамвай. По Неве плыл маленький пароход с высокой коптящей трубой.

Двухэтажный аккуратный, с колоннами и изящным балкончиком особняк располагался в центре Санкт-Петербурга. Столица Московии копировала своего предшественника, некогда гордо возвышавшегося на берегах стальной Невы на Старой Земле. Да, именно такой был тот самый изначальный Санкт-Петербург в девятнадцатом веке. Психологи утверждают, что

именно европейская городская среда рубежа девятнадцатого-двадцатого веков наиболее комфортна для психики человека, придавленного достижениями супертехнологической Галактической цивилизации.

– Сейчас наши психотехники заняты разблокировкой сознания Гроссмейстера, – сказал генерал, протягивая руки к огню. – Сняли четыре уровня ловушек и пассивных нейроблоков, кстати, достаточно каверзных.

– Ничего себе, – покачал головой Филатов.

– Это Гильдия отношений. Они большие искусники в таких делах. Но и мы не лыком шиты, да?

– Кой чего умеем.

– Из сознания Кунца уже выудили немало интересного. Нашла подтверждение версия о причастности к нападению на «Ариэль» остатков разгромленных банд с Харлея-два.

– Что и требовалось доказать... Но насколько живучими эти твари оказались.

– Харлейцы... Никогда не воевал с тараканами в деревянных домах на ретропланетах? Травишь их, травишь. И кажется, наконец, избавился, но они появляются снова.

– Гроссмейстера нам не простят, – Филатов отвернулся от окна, уселся на узкий диванчик. – Гильдия наверняка уже в курсе, что к исчезновению Абрахама Кунца причастна наша организация.

– Несомненно, – согласился Шутихин.

Он вынул из деревянной, с золотой крышкой, коробки на низком столике огромную сигару и провел пальцем по ней, активизируя. Сигара задымилась, распространяя приятный, неземной аромат, сладко туманящий голову.

– Мы уже чувствуем давление с ее стороны, – поведал генерал.

– Каковы наши действия?

– Абрахама Кунца придется отдать. Иначе Гильдия обещает объявить нам бойкот. Бойкот Гильдии не выгоден никому. И нам тоже.

– Они должны понимать, что Гроссмейстер зашел слишком далеко.

– Вся их деятельность заключается в том, чтобы заходить слишком далеко... Не беспокойся, Сергей, мы решим и эти вопросы. Мы умеем решать вопросы.

– Я знаю, – кивнул Филатов, которому тоже приходилось решать немало вопросов. И он знал, как они решаются.

– Еще у нас редкий трофей – латин, – продолжил генерал.

– И что?

– Он хочет видеть тебя.

– Меня?

– Он говорит, что ты забавный.

– Забавный, – хмыкнул Филатов. – Последний раз меня называли забавным в восемь лет.

– Латины как дети. И им кажется, что дети все вокруг.

– Ох не знаю. Мне как-то жутковато становится от этих добродушных существ.

– И все-таки тебе придется с ним встретиться.

– Когда?

– Сейчас. Он ждет... Лифт один, – приказал генерал.

«Мажордом» среагировал на приказ, и тут же стена с богатой лепниной провалилась, обнажился сияющий зев лифта, празднично переливающийся с голубого на зеленый свет.

Филатов нехотя поднялся с диванчика, что-то хотел спросить, потом раздумал и ступил в капсулу. Он ощутил, как гравиконцентратор прижал его крепко к платформе.

– Иди, – махнул рукой генерал.

Капсула закрылась и понеслась вниз в черных трубах с разноцветными проблесками.

Трубы извивались, пересекались, соединялись, перебрасывая капсулу, в подземных голололомных, не имеющих постоянной формы и конфигурации коммуникациях.

Под землей располагались основные производственные пространства, транспортные и энергетические системы столичного мегаполиса самой могущественной федерации в Галактике. Глубоко в грунт въелись и основные помещения Управления «Н».

Филатов посмотрел на счетчик, шелкающий у него перед глазами. На цифре – «78» капсула замерла. Итак, получается семьдесят восьмой уровень от поверхности и не менее трехсот метров к северу от кабинета генерала. В этой части Управления Филатову бывать еще не приходилось. Здесь в своих загадочных лабораториях колдовали современные алхимики – научники.

Капсула распалась со звоном стекла, и в глаза Филатову ударил яркий желтый свет. Латины обожают яркий желтый свет. Все их обнаруженные колонии и станции располагаются в системах желтых карликов.

Комната была огромная, со сводчатым потолком, совершенно пустая. Латин сидел на полу, катая на ладони шарик из материала, похожего на стекло, в котором вспыхивали радостные разноцветные блески, складывавшиеся в цепочки.

Инопланетника это занятие увлекало полностью. Шарик то увеличивался, достигая размеров баскетбольного мяча, то съеживался до теннисного мячика.

Увидев Филатова, латин обрадованно засмеялся и отбросил шарик. Тот откатился и начал подпрыгивать, бесцеремонно попирая закон сохранения энергии – все выше и выше. Это была одна из многих подобных непостижимых игрушек латинов.

– Здравствуй, – зашебетал беззаботный инопланетник.

– Здравствуй, – кивнул Филатов, присаживаясь на колено рядом с латином. – Ты меня хотел видеть?

– Я, – глаза латина озорно забегали. Он зыркнул на шарик, скачущий все выше. Будто убоявшись его взгляда, шарик замер в воздухе – в метре над полом. – Я хотел тебя видеть, забавный человек... Это было так смешно, когда ты дрался с людьми в латах.

– Мне было не очень смешно.

– Вы не умеете смеяться, – заметил латин.

– Иногда умеем.

– Ты забавный воин. И ты должен... – латин замолчал.

– Что я должен?

– Меня попросили... Меня попросили передать. Это не мое слово. Это слово чужое.

– Что тебя просили передать?

– Синяя Долина... Ты и Никита... Забавное имя...

– Что? – Филатов, с его непробиваемым самообладанием, ощутил, будто холодная змейка забирается за воротник, и сердце непроизвольно сжалось.

– Ты и Никита Сомов. Госпитальер. Вы двое. Синяя Долина. Только вдвоем. От вас ждут помощи. Вы обязаны. Иначе плохо...

Да, дела! Никита Сомов – друг Филатова, с которым пройдено столько испытаний. Но вот только латину это знать не положено...

– Кто тебя просил передать?

– Не знаю. Он не сказал. Ты, смешной воин, должен это сделать. Ты и он. Больше никто не может. Больше никто не нужен. Не смешно... Грустно... Я боюсь...

Латин хлопнул в ладошки, и звук получился деревянный. Шарик сжался и послушно прыгнул ему в ладонь.

– Что еще? – спросил Филатов, борясь с подступившим к самому горлу страхом.

– Больше не знаю ничего, – недовольно отмахнулся латин.

На шарике появились какие-то интересные узоры, и инопланетник вновь был поглощен этим зрелищем полностью.

После разговора с незнакомцем в трамвае госпитальер Никита Сомов не удивился, когда к нему вечером в небольшую уютную квартиру на набережной Фонтанки заявился старый друг Филатов и предложил совершить путешествие на Синюю Долину.

– Вся надежда, старик, на тебя, – сообщил Филатов, плюхаясь в широкое кресло из настоящего красного дерева. – Мы опять работаем вместе.

Сомову показалось, что этому самонадеянному оптимисту сейчас тягостно ощущать себя не в своей тарелке. Как это ни удивительно, но разведчик пребывал в состоянии растерянности.

– Кто входит в группу? – спросил госпитальер.

– Как в добрые старые времена, когда надо было спасти мир – ты и я.

– Так... – вдруг Сомова осенило, и он воскликнул: – Серега, а ведь к тебе тоже пришли!

– Кто?

– Посланник.

– Посланник, – кивнул задумчиво Филатов. – Объясни.

Госпитальер поведал историю об утренней встрече и предложил:

– Теперь твоя очередь, Сергей...

Филатов не ответил.

– Ну. Я слушаю, – испытующе посмотрел на него госпитальер. – Выкладывай-ка все. Мне кажется, за долгие годы я заработал право на твое доверие.

– Это информация под «зеленым грифом».

– Ого, – покачал головой Сомов. – И все-таки...

– Черт, – разведчик хлопнул по резному подлокотнику кресла ладонью так, что красное дерево жалобно затрещало. – Ты понимаешь, что такое разглашение «зеленых» данных?

– Понимаю. Как и то, что наш разговор, скорее всего, сейчас контролируют.

Тут он был прав. Разговор был под контролем.

– А ну его все, – Филатов прищелкнул пальцами. – Был посланник. И сообщил, что нас с тобой ждут на Синей Долине... Только... Только это был не человек.

– А кто? – заинтересовался Сомов.

– Латин.

– Кто?!

– Латин. Простой латин.

– Где ты нашел живого латина?

– Это было нелегко.

– Латин. Немыслимо!

– Я тоже удивился.

– Удивился, – иронически хмыкнул Сомов.

– Ну, возможно, чувство было посильнее.

– Знаешь, Сергей. Я влез в сеть, пытаюсь найти информацию о Синей Долине. И нашел только сведения общего характера. Слишком общего. И сплошь относящиеся к прошлому. Нет ничего о том, что там происходит сейчас... Используя служебное положение, попытался копнуть глубже. И обнаружил, что информация по Синей Долине заблокирована. Это не странно?

– Все правильно. Последние два месяца вся поступающая информация об этой планете блокируется.

– Почему?

– Это по твоей части, доктор, – усмехнулся невесело Филатов.

– Что там происходит?

– Эпидемия.

Госпитальер изумленно уставился на своего лучшего друга.

– Эпидемия?

– Да.

– И все? Тогда почему такая секретность? И почему я, консультант федерального центра «Антивирус» с допуском «экстра», не знаю об этом ничего?

– Там происходит нечто из ряда вон выходящее, – разведчик замолчал.

– И что?

– А то, что третья отдельная маневренная группировка Военно-космических сил блокировала систему и ждет приказаний. Уровень блокады – «коробка».

«Коробка» – это полная секретность, а так же действие законов о чрезвычайных ситуациях, и еще – доступ чрезвычайных уполномоченных ко всем мыслимым ресурсам Федерации.

– Отлично, – Сомов погладил подбородок подрагивающими пальцами. – А теперь давай подробности.

– Их прозвали «замерзшими», – начал Филатов.

И то, что он поведал, в сознании укладывалось с трудом...

Планета Синяя Долина была колонизирована сто пятнадцать лет назад и входила как периферийный мир в могущественный в то время Союз Двадцати, который позже развалился на части в результате внутренних противоречий и внешней агрессии. Во времена смутных десятилетий исторические противоречия между Союзом и Седьмым Рейхом привели к затяжному противостоянию, которое восемьдесят лет назад переросло в горячую стадию. Тогда мощная ударная космическая группировка Седьмого Рейха с вычурным названием «Скелет Горгулии» под командованием адмирала Фрица Дитриха атаковала оборонительные силы Союза Двадцати в пяти звездных системах, среди которых была и система Синей Долины. Боевые корабли Рейха, не обращая внимания на собственные потери и с маниакальной целеустремленностью напирая на врага, разнесли в пыль оборонительные комплексы и овладели четырьмя системами из пяти. Не смогли они взять под контроль только Синюю Долину, потеряв в боях за этот заштатный мирок штурмовую дивизию в полном составе. Что там произошло – до сих пор до конца не понятно. Но результатом явилось то, что Синяя Долина оказалась просто ничья. В ходе боев на ней была практически уничтожена современная техносфера, средства космических коммуникаций, и о планете забыли на несколько десятков лет. Этот сектор Галактики постоянно вскипал конфликтами, вплоть до горячих, и дела там до ничем не примечательного, затерявшегося меж звездами мирка не было никому.

Пять лет назад Синяя Долина неожиданно подключилась к Галактической информсети и послала всем привет. И тогда вдруг оказалось, что эта планета нужна всем. Московитяне, аризонцы, Корейские Миры направили туда свои посольства.

После трех лет вялых дипломатических переговоров Синяя Долина дала согласие на вхождение в качестве ассоциированного члена в Московитянскую Федерацию. После этого в системе было развернуто стандартное оборонительное кольцо и размещены орбитальные подразделения военно-космических сил, и в бюрократических недрах Московии стали прорабатываться и неспешно реализовываться программы оказания экономической и технологической помощи планете.

Вся эта суета вяло бурлила на самых задворках галактической политики и экономики. Новый член Федерации не принес с собой ничего, кроме расходов, впрочем, не настолько обременительных, чтобы о них стоило упоминать где-то вне стен петербургских чиновничьих кабинетов.

В общем, Синяя Долина так и оставалась задворками Млечного Пути и активного интереса ни у кого не вызывала до тех пор, пока не началась эпидемия. Время от времени Вселенная одаривает человечество самыми невероятными болезнями. Вспомнить недавно открытый новый класс болезней, носителями которых служат не вирусы, а информационные колебания среды, и заражение происходит даже через броню космолайнеров. Космос не устает удивлять людей.

Началось все с поселка Верхний Лог, в котором проживало не больше трех сотен жителей. Утром с ним оборвалась связь. Туда из ближайшего города Сант Льюиса был направлен глайдер патруля сил общественной стабильности. То, что обнаружили полицейские, повергло их в шок.

– Тут тела! Десятки тел! Прямо на улице! Везде! – срывающимся голосом кричал лейтенант Борг Гельвиг.

Это были его последние слова. Его тело и тела еще двух полицейских, а так же трех жителей Верхнего Лога привез глайдер под управлением стража порядка, который по неясным причинам остался целым и невредимым.

Что происходило с жертвами эпидемии? Этого так никто и не смог понять. Люди просто выключались, как игрушки, из которых удалили источник энергии. Притом отключались постепенно. Водитель успевал остановить машину. Спускающийся по лестнице человек находил время присесть на ступеньку. Глядящий стереовизор зритель выключал его. Люди как бы замораживались. Живые они или мертвые – понять никто не мог. На ощупь тела становились упругие, как из квазистатичного резинопласта. Никаких признаков жизнедеятельности у них не наблюдалось, с ними ничего не делалось.

– Почему решили, что это эпидемия, а не какое-то физическое явление? – спросил госпитальер, внимательно выслушав своего друга.

– Это распространяется как эпидемия, – сказал Филатов. – И косит всех подряд куда лучше, чем черная чума в средние века.

– Болезнь передается от человека к человеку?

– Зафиксировано одиннадцать случаев передачи болезни от «замерзшего» носителя. Но в основном болезнь привязана к определенному месту.

– Что с «замерзшими»? Они эвакуированы?

– Сначала власти Синей Долины пробовали вывозить из зон заражения тела. Но три четверти членов эвакуационных команд тоже «замерзли».

– А нельзя было для эвакуации использовать автоматизированные системы?

– Вот теперь мы доходим до самого интересного. В районе эпидемий сложная техника выходит из строя.

– Что значит – сложная?

– Чем сложнее система – тем больше у нее шансов накрыться.

– Что предприняла Федерация? Мы использовали карантинные транспорты? Развернулась система «Эпидемия»?

– Естественно. По тревоге у Синей Долины были направлены два карантинных транспорта западного сектора.

– И результат?

– Один разбился при приземлении.

– Что?!

– Именно так. При приближении к планете ближе, чем на полмиллиона километров, начинают барахлить системы искусственного интеллекта, да и вообще все более-менее сложные компьютеры и устройства. А так же эфирогенераторы. При подходе к Синей долине у транспорта «Академик Павлов» сначала выключился киберштурман, а потом сдох эфирный

движок. В результате корабль безжизненной болванкой вошел в атмосферу и рухнул в океан, вызвав небольшое цунами.

– Экипаж и персонал? – встревожился Сомов.

– Эвакуировались еще в космосе. Их подобрали вовремя. Теперь вокруг планеты карантинная зона.

– Сколько всего пораженных?

– Около пятидесяти тысяч человек. И восемнадцать миллионов жителей планеты в заложниках. Мы не можем даже часть из них эвакуировать. Им остается ждать своего часа. От эпидемии спасения нет.

– Что там сейчас? Паника? Беспорядки?

– Пока удастся избегать массовых беспорядков, – поведаль разведчик. – На планете достаточно жесткая властная структура. И вообще это традиционное общество, основанное на восточной индивидуальной личной дисциплине и в целом авторитарной власти с примесью славянского разгильдяйства. Там коктейль этносов – Индия, Япония, славяне, арабы...

– Теперь самое главное. Каким боком это вдруг коснулось нас? И почему таинственные посланники пришли к нам?

– Спроси что попроще.

– Почему мы верим посланникам?

– При чем тут вера? Просто мы обязаны идти у них на поводу. По принципу – на месте разберемся.

– Что требуется от нас?

– Все просто. Высадиться на планету. Попытаться сориентироваться в обстановке. И действовать по ситуации... Или бездействовать.

– Высадиться на планете, да? – саркастически хмыкнул госпитальер. – На планете, где бушует эпидемия, от которой нет никакой защиты?

– Вроде того.

– Когда ни один корабль не может подойти на расстояние ближе пятисот тысяч километров?

– Точно.

– Как?

– Есть одна наметка. Думаю, сработает.

– Думаешь?

– Наверное, сработает... Ты можешь отказаться. Я пойму. Это слишком опасно...

– Слишком? – вздохнул Сомов.

В отличие от разведчика, являвшегося жизнерадостным жизнелюбом и самоуверенным тараном, готовым с улыбкой на устах пробивать любые преграды, госпитальера, как интеллигента в тысячном поколении всегда точили вирусы неуверенности, мнительности и сомнений. Кроме того, экстремальные физические перегрузки вгоняли его в тоску и депрессию. И опасности он не любил. И вообще, ему так хорошо в Санкт-Петербурге. И вот сейчас у него появились самые различные планы на будущее. А тут какая-то Синяя Дорлина, где шансы выжить не очень-то и высоки. Ну как согласиться на такое мягкому и часто безвольному голвоастику?

– Запретельно опасно, – не стал юлить Филатов.

– Эх, грехи наши тяжкие, – горестно произнес госпитальер и деловито осведомился: – Когда отлет?

– Вообще-то малый спейсер «Альтаир» ждет на орбите в готовности.

Сомов беззвучно обозвал себя дураком. И вспомнил, что не было ни одной смертельно-опасной авантюры, на которую он не подписался бы. И жив он пока что чудом, или благодаря какому-то высшему разуму, которому пока еще забавна судорожно мечущаяся по вселенной игрушка, называемая Никитой Сомовым.

– Необходимая медицинская аппаратура? – Сомов начал уже входить в деловой ритм, понимая, что сонный созерцательный период его жизни остался позади.

– В системе находится карантинный транспорт. Вскоре подоспеют еще два.

– Тогда что мы тянем кота за хвост?! В путь, Сергей.

– Я не ошибся в тебе, – безрадостно вздохнул разведчик, поднимаясь с кресла и похлопывая друга по плечу. – Ты все такой же псих, готовый к любым авантюрам. И с годами не меняешься.

– Ты тоже...

В углу квартиры открылась ниша лифтовой капсулы.

– В туннельник, – велел Филатов, когда ее лепестки сомкнулись за ними.

И капсула рухнула вниз, под землю, к станции туннельника, где их ждала сверхскоростная туннельная игла, которая за десять минут домчит до аэропорта. А там орбитальный челнок доставит к малому спейсеру.

А дальше? Дальше как получится...

Малый спейсер «Альтаир» на одиннадцатом часу полета вышел на разгонный вектор к точке перехода. Стабилизаторы, похожие на щупальца осьминога, озарились ослепительным синим светом, и корабль проник в надпространство, выпав из реального мира. Он устремился к своей цели – провинциальной и до сего времени мало кому интересной планете Синяя Долина.

Нет ничего скучнее, чем путешествие в надпространстве. На экранах внешнего обзора бесконечная, ничем не нарушаемая гладкая синь. И созданный человеком сверхсложный механизм – кусочек чуждого для этой синевы мира, закованный в броню, окруженный эфирными полями вращения, надежно огражденный от всех опасностей и неожиданностей, то ли несется вперед, то ли стоит на месте – не поймешь. Известно лишь одно – в нужный момент рейдовый спейсер выпадет обратно, в стандартную метрику пространства.

Шла третья неделя надпространственного рейда, когда госпитальер, устроившись в трансформированном по его вкусу жестком кресле в своей крошечной, зато одноместной каюте, предавался ставшему привычным занятию – просмотру материалов по эпидемии на Синей Долине.

Малый спейсер – это не пассажирский лайнер. Сомов ютился в помещении, до потолка которого мог свободно достать ладонью, а если развести руки, они упирались в стены. Но вопросы комфорта его волновали в последнюю очередь. Когда он с Филатовым коротал ночи в джунглях Ботсваны, тогда и дикарская хижина казалась дворцом.

Экипаж и капитан относились к Сомову с подчеркнутым уважением, как и положено относиться к уполномоченному Чрезвычайного совета. Перед отлетом ему и Филатову придали этот статус, дававший огромные полномочия.

Новый статус не особенно тешил самолюбие Сомова. Какая-либо власть над людьми его не только не грела, но и откровенно тяготила. Среди его предков были рыцари благородного Ордена госпитальеров со Старой земли, ставившего своей главной целью братскую помощь страждущим, а сам он, в прошлом руководитель космического госпиталя, как и его предки, искренне желал не власти, а служения людям.

После последней заварушки, в которую его втянул, конечно же, лучший друг Филатов, госпитальер не находил себе места. Он так и не вернулся в космический госпиталь, числился консультантом федерального центра «Антивирус», но в этом качестве не обрел себя. За год он попытался систематизировать накопленный богатый научный материал, наметить дальнейшие исследования по ряду тем, где его первенство было очевидно, но дела, которые он начинал с неизменным энтузиазмом, быстро забрасывал. Что-то в нем дало сбой. Душа его томилась

в тревожном ожидании. В ожидании чего? Он и сам не мог понять. Но с окружающим его спокойным, размеренно существующем миром он вошел в разлад.

Тягучее время в несущемся в надпространстве корабле способствовало появлению самых дурных мыслей. И путешествие быстро стало для Сомова изощренной пыткой – пыткой ожиданием и неизвестностью. Меньше всего он относил себя к категории героев, и, стоило задуматься над тем, в какую мясорубку они суются, ему становилось не по себе. Хотелось завопить что-то жалкое и малодушное, типа: поверните корабль, я возвращаюсь! Только «Альтаир» не повернешь. И принятое решение не изменишь. Он заключил очередной договор с судьбой, согласившись на эту авантюру, и отдал себя на ее милость.

Пытаясь отвлечься от тягостных мыслей, госпитальер с головой погрузился в работу. Он просматривал стереозаписи – все те же зоны поражения, те же тела «замерзших». Корабельный анализатор, к которому Сомов обращался с заданием проанализировать ситуацию, выдавал, как и положено, длинный список самых безумных вариантов, из которых предлагалось выбрать тот, который нравится. Для каких-то выводов исходной информации было маловато. Да и знаменитая интуиция госпитальера, позволявшая в критические моменты выбирать из тысяч вариантов единственный верный, сейчас безмолвствовала.

Сомов пробежался пальцами по голографическому пульту, вновь вызывая перечень версий происшедшего на Синей Долине. И провел пальцем по одной строчке. Она увеличилась в размере и хищно зависла в воздухе, наливаясь красным пульсирующим светом. От нее исходила тревога. Она дышала холодной опасностью.

«ВНЕШНЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ».

– Внешнее воздействие, – вслух произнес Сомов.

На этот фактор можно списать все загадки Вселенной...

Внешнее воздействие. Чужой разум. Непостижимый, цепкий, могущественный, и беспощадный. Будто из бездны на тебя смотрят глаза неизвестных.

Взгляд. Чужой взгляд... Сомов передернул плечами. Он вдруг вспомнил закатившиеся глаза серого, неприметного человека в трамвае, позвавшего его на Синюю Долину. Его без труда установили и всесторонне проверили спецслужбы. Это был самый заурядный гражданин Московии, и единственная тайна Вселенной, которая его интересовала – не наставила ли ему рога жена на прошлом отдыхе. Он просто стал проводником.

Через него пропустили информацию, как ток через электрический провод. Кто?

Как же все переплеталось в этой истории. Артефакт исчезнувшей сверхцивилизации приоров. Латины – загадка Галактики. «Замерзшие»...

Сомов раз за разом вызывал стереоразверстку Синей Долины. Это была красивая планета. Перед глазами возникали сахарные вершины гор, изрезанные океанскими волнами фиорды, зеленые леса и узкая полоска жестокой пустыни. Восемьдесят процентов планеты покрыто водой. Суша представляла из себя один большой материк и несколько архипелагов островов на экваторе. Флора и фауна терроподобны.

– Что надумал? – с интересом спросил Филатов, возникая в каюте своего друга. В глубине души он считал госпитальера немножко волшебником, у коиторого заготовлен ответ на все вопросы.

– А ничего не надумал.

– Жалко...

– Чужое присутствие, – едва слышно произнес Сомов. И ему вновь показалось, что в него уперся равнодушный стальной взор ледяных глаз.

Спейсер вынырнул из надпространства точно в запланированной точке. Сомов сглотнул вставший в горле комок. Его замутило, как всегда после выхода. Он дождался сигнала, после чего выбрался из распавшегося на лепестки защитного кокона. И с облегчением перевел дыхание. Известно, что выход из надпространства – наиболее опасный участок полета. Бывает по неизвестным причинам корабли в ходе этого маневра рассыпаются в пыль, которой предстоит миллионы лет кружить по орбитам вокруг безжалостных звезд.

Госпитальер покинул свою каюту и двинулся в рубку по длинному и узкому коридору со светящимися иероглифами датчиков и очерченными мерцающими зелеными световыми линиями контурами люков.

Капитан и первый пилот в контактных обручах на головах полулежали в прозрачных коконах, которые, казалось, висели в открытом космосе – иллюзия, созданная объемной голографической разверткой. Пальцы капитана бегали по виртуальному пульту.

От вида космической бездны, усеянной мерцающими разноцветными звездами, покрытой легкой вуалью Млечного пути, пятнышками далеких галактик и шаровых скоплений, у Сомова перехватило дух. И стало радостно на душе. Реальный космос казался родным и близким, как старый родительский дом. После синевы надпространства чувствовалось, что он наполнен жизнью, движением. Он пульсировал, развивался, дышал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.